

УДК: 93/94: 343.343.35 (470.42)

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА СИМБИРСКОГО ГУБЕРНСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА ПО ДЕЛАМ О ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В 1918-1919 гг.

© 2018 М.В. Чигрин, Р.Р. Мухамедов

Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова

Статья поступила в редакцию 18.10.2018

Авторы проводят ретроспективный анализ деятельности Симбирского губернского революционного трибунала в 1918-1919 гг. в отношении должностных преступлений. Вопрос, связанный со злоупотреблением должностными полномочиями, на протяжении всей отечественной истории является одним из наиболее острых в ряде социальных проблем, для разрешения которых правительству постоянно необходимо задействовать внутренние резервы. В связи с этим судебная практика революционного трибунала по расследованию должностных преступлений составляет важнейшую часть истории развития страны и требует от исследователя объективного освещения минувших событий.

Ключевые слова: судебная система, Симбирский революционный трибунал, должностные преступления, Симбирская Губернская чрезвычайная комиссия, губернский комитет.

Злоупотребление должностными полномочиями на протяжении всего существования Российской империи являлось одной из наиболее острых социальных проблем, для борьбы с которой правительству постоянно приходилось задействовать внутренние резервы. После установления советской власти коррупционные проявления не удалось устранить, вследствие чего взятки, кража, а в ряде случаев также насилие и алкогольная зависимость становятся неотъемлемой характерной чертой деятельности некоторых должностных лиц. Повсеместно царивший хаос, тяжелое материальное положение, отсутствие прочного аппарата государственной власти в первые дни способствовали укреплению у должностных лиц веры во вседозволенность и безнаказанность, что зачастую приводило к ужасающим последствиям.

После окончания процесса реформирования правовой системы в ноябре 1917 г. формирование советских судебных органов было зафиксировано декретом СНК РСФСР №1. Согласно данному декрету, создались два вида судебных органов: народные суды и революционные трибуналы¹. Полем деятельности народных судов стали исключительно гражданские дела, а борьба с контрреволюционными правонарушениями была положена в основу деятельности нового чрезвычайного орудия советской власти – революционного трибунала, наделенного необходимыми полномочиями. Фактически сразу же поле деятельности ревтрибуналов было расширено и им стали подсудны также спекулятивные, уголовные, должностные и прочие правонарушения.

Чигрин Максим Валерьевич, аспирант кафедры истории. E-mail: maksim-chigrin@mail.ru

Мухамедов Руслан Рашитович, старший помощник прокурора. Прокуратура Российской Федерации.

Проведение исследования доступных для рассмотрения архивных материалов не позволило выявить точную дату основания Симбирского губернского революционного трибунала, что объяснялось хаотичным характером процесса образования данного судебного органа в губернии. Однако удалось обнаружить в протоколе заседания Симбирского губернского Совета Народных Комиссаров, состоявшегося 25 февраля 1918 года, в списке ключевых моментов, вынесенных на рассмотрение, вопрос о проведении выборов состава президиума Симбирского губернского революционного трибунала². Именно этот факт позволяет условно отнести окончание формирования данного органа к последним числам февраля 1918 года³.

Фактически с момента основания Симбирский губернский революционный трибунал приступил к работе. Симбирский ревтрибунал состоял из следственной комиссии, коллегии обвинителей, коллегии защитников, кассационного отдела⁴. Судебно-следственная комиссия была сформирована еще в 1917 году, однако функционировать стала лишь в 1918 г.⁵ В это время председателем Симбирского губревтрибунала был С.П. Румянцев, а членами: З.Я. Марс-Марсельский, А.П. Тихонравов⁶. Революционный трибунал в период с февраля по 22 июля 1918 г. рассматривал преимущественно дела, касавшиеся любых контрреволюционных проявлений. Проведенное исследование архивных материалов, касающихся его судопроизводства, свидетельствует о том, что примерно каждое шестое дело затрагивало должностные и спекулятивные преступления. Однако говорить о нераспространенности этих преступлений как вида должностных правонарушений на территории Симбирской губернии в первые месяцы

советской власти было бы не совсем верно, так как стоит учитывать наличие бюрократических проволочек, отсутствие необходимого юридического опыта у большинства членов трибунала, которые способствовали значительному замедлению хода следствия, из-за чего многие дела попросту были еще не рассмотрены⁷. На повестку дня в первые дни работы трибунала выносились дела, касавшиеся правонарушений представителей бывших привилегированных сословий, среди которых большое количество составляли и должностные преступники⁸.

Стоит также отметить, что работники Симбирского губернского трибунала, осуществляющие делопроизводство, зачастую подробно не вникали в детали рассматриваемого дела, а учитывали только степень виновности подозреваемого по отношению к советской власти. В результате в большинстве случаев приговор был предвзятым и носил несправедливый характер, вследствие чего большая доля осужденных была приговорена к лишению свободы с формулировкой за «непризнание советской власти»⁹.

Однако далеко не все работники трибунала в первые месяцы его работы относились к делу без должного внимания. Исключение составлял И.В. Крылов, который был отправлен на работу губернским комитетом для того, чтобы исправить текущее положение дел и улучшить мнение простых граждан о «революционном правосудии»¹⁰. Наиболее резонансным должностным делом, рассмотренным весной 1918 года при его участии, стало дело представителя царской армии, начальника Симбирского кадетского корпуса генерал-майора Якубовича.

Судебное заседание проходило следующим образом: «Заседание открылось при полностью заполненном помещении. Ввели подсудимого Якубовича под охраной служащих Красной Армии. Орган правосудия заслушал трех свидетелей, знакомых с подсудимым. Затем выступил его защитник Малиновский, обрисовавший в красках генерала как честного и справедливого человека, не препятствующего и не представляющего угрозы для молодого советского государства и просил оправдать его. После совещания был вынесен оправдательный приговор». Данный приговор являлся скорее исключением из правил, так как зачастую представители царского правительства осуждались по всей строгости революционного времени¹¹.

Несколько выделялись из общего ряда дела, касавшиеся должностных правонарушений со стороны работников судебных органов. Особо показательным примером может служить рассмотрение дела секретаря Карсунского революционного трибунала, обвиняемого в должностном преступлении. По итогам сессии судебных заседаний Карсунского революционного три-

бунала, состоявшихся под председательством Н.И. Гренева и членов – Н.В. Кулинченко и Д.И. Жаровского, товарищ Ф.Е. Бычков был признан виновным в покушении на совершение вымогательства при исполнении служебных обязанностей и приговорен к тюремному заключению сроком на один месяц. Однако подсудимый решил опротестовать вынесенный приговор и составил 10 мая 1918 года кассационную жалобу, отправив ее в Кассационный отдел революционного трибунала. В жалобе он указал, что «работал как секретарь революционного трибунала и был привлечен и осужден на основании несправедливых доносов и никакие преступления не совершал». В связи с чем он попросил оправдать и освободить его немедленно¹².

Кассационный отдел, рассмотрев его жалобу, счел, что: «...Приговор к Бычкову вынесен 10 мая вопреки указу об упразднении всех уездных трибуналов. Кроме этого, состав Революционного трибунала состоял из председателя, товарища председателя, пяти очередных заседателей, что явно противоречило декрету о Суде №1, ст.8»¹³. В результате кассационный отдел под председательством О.Я. Карклина отменил приговор и передал его в Симбирский революционный трибунал, который рассмотрел дело и оправдал Бычкова ввиду незначительности его проступка¹⁴.

Таким образом, процесс рассмотрения данного дела свидетельствует о халатном отношении к правовому полю работников уездных трибуналов, что, возможно, и было вызвано отсутствием необходимого опыта в юридической сфере. Вынесенный в свою очередь Симбирским революционным трибуналом оправдательный приговор позволяет сделать вывод, что в первые месяцы советской власти ввиду отсутствия судебных кадров зачастую виновных работников правосудия старались оправдать ввиду «незначительности проступка».

Следующая категория должностных преступлений по количеству дел, рассмотренных Симбирским революционным трибуналом в течение 1918 года, включала в себя исключительно корыстные деяния. Стоит отметить, что данные правонарушения были вызваны прежде всего царившей неблагополучной обстановкой в Симбирской губернии, а также отсутствием необходимых товаров жизнеобеспечения¹⁵. Безусловно, для сотрудников продовольственных и иных комитетов, большинство из которых составляли преимущественно крестьяне, в чьих семьях отсутствовали необходимые жизненные блага, получение солидной должности открывало перед ними перспективу обогащения за счет противников и сторонников Советской власти.

Одним из самых резонансных случаев стало расследование в отношении членов Козловской Волостной управы: председателя Займиновича,

секретаря Иванова и его подчиненных, подозреваемых в неправомерных действиях по службе. Согласно протоколу дознания: «...Председатель брал у советских граждан по 7 копеек с пуда, на какие-то неизвестные расходы, а члены комитета вымогали около 5 копеек якобы за получение карточки. Вскоре почувствовав безнаказанность, поборы со стороны членов комитета увеличились до 25 копеек с человека. Всего удалось незаконным образом собрать 200 рублей»¹⁶. По окончании судебного заседания 29 мая 1918 года виновные были приговорены революционным трибуналом к лишению свободы на срок до шести месяцев, а также лишены права занимать данную должность¹⁷.

Симбирский революционный трибунал прекратил делопроизводство в момент захвата Симбирска сторонниками КОМУЧа. Работники революционного трибунала были нежелательными общественными элементами, которые преследовались белогвардейцами в первую очередь. При этом далеко не всем из них удалось спастись в период оккупации Симбирской губернии. Например, И.В. Крылов решил остаться для того, чтобы уничтожить ценные бумаги революционного трибунала, опасаясь того, что они попадут в руки неприятеля, в числе которых были прежде всего списки членов данного судебного органа и протоколы заседаний. После окончания процесса ликвидации ценных бумаг он отправил всех членов своей семьи на пароходе, а сам попытался покинуть Симбирск в одиночку, однако был схвачен белогвардейцами. Крылов как работник революционного трибунала, а следовательно, «ярый сторонник советской власти» после допроса был расстрелян 26 июля 1918 года близ Симбирска, в Стрижевом овраге¹⁸.

Сразу же после освобождения города губисполком поручил восстановить деятельность трибунала, что и было сделано 1 сентября 1918 года¹⁹. Основным направлением деятельности революционного трибунала стал поиск и устранение «врагов революции», а также лиц, совершивших должностные преступления, дискредитировавших честное имя советской власти. К большинству арестованных, в соответствии с Постановлением СНК от 5 сентября 1918 года «О красном терроре», стала применяться высшая мера наказания – расстрел²⁰.

В целом численность рассмотренных дел, касавшихся должностных преступлений, в конце 1918 года была сравнительно невелика. Данная особенность объяснялась прежде всего тем, что после освобождения Симбирска от белогвардейцев требовалось определенное время, для того чтобы привести делопроизводство в порядок. Ввиду чего было принято решение Симбирским губернным революционным трибуналом боль-

шинство дел, среди них и должностных, перенести на начало 1919 года.

В 1919 году отмечается резкий всплеск должностных правонарушений по сравнению с предыдущим годом в ряде советских организаций, что было вызвано прежде всего тяжелой экономической обстановкой, а также отсутствием необходимых нравственных качеств у большинства работников. Всего в этом году Симбирским губернным революционным трибуналом было рассмотрено 957 дел, среди них должностных было – 236, что составило 24,6% от общего числа²¹. По результатам заседания революционного трибунала всего было вынесено 119 обвинительных приговоров, при этом среди них более половины приходится именно на должностных преступников²². Очевидно, что для революционного трибунала было делом чести довести расследование должностного преступления до заключительной стадии и вынести справедливый «революционный приговор».

Состав всех должностных преступлений на протяжении всего периода деятельности Симбирского губернского революционного трибунала можно условно классифицировать на три подгруппы: правонарушения корыстной направленности, правонарушения против интересов службы без каких-либо признаков корыстной направленности и правонарушения, совершенные в связи с превышением должностных полномочий.

В 1919 году большую долю в группе должностных преступлений составляли противозаконные деяния, в процессе которых советские граждане после судебного расследования считались виновными в халатном поведении, дебоширстве или же в пьянстве. В связи с этим стоит остановиться более подробно на наиболее характерных примерах.

Алексеев Иван Михайлович, заведующий Городской лавки №28 успел проработать на этой должности лишь в период с 4 ноября 1918 года по 30 марта 1919 года. По увольнении от должности членами Городского продовольственного комитета был обнаружен целый ряд нарушений, а именно растрата денежных средств в крупном размере, а также факты, подтверждающие, что Иван Михайлович нередко употреблял на рабочем месте спиртные напитки²³. Во время работы в Городской лавке, принадлежавшей ранее гражданину Мухину, Алексеев 4 ноября 1918 года принял лавку с товарами на денежную сумму 2590 рублей и 36 копеек, затем в последующие пять месяцев принял в лавку из городского продовольственного склада товаров на сумму 67236 рублей и 42 копейки и печеного хлеба из городской пекарни №6 на 2592 рубля и 83 копейки. Всего за это время после окончания продажи Иван Михайлович сдал в склад товара на сумму

7526 рублей и 26 копеек, а также внес наличных 23659 рублей и 85 копеек. По увольнении от должности от него 30 марта 1918 года было принято товаров на 761 рубль и 86 копеек, а всего за время работы он отчитался лишь на сумму 40830 рублей и 92 копейки. Таким образом, был обнаружен факт хищения денежных средств, а дело обвиняемого передано в Симбирский губернский революционный трибунал²⁴.

Свидетелями по делу выступили счетовод Худяков, заявивший, что Алексеев в личной беседе проговорился ему, что недостающие деньги он пропил, а также Зубарев, работавший бухгалтером Городской продовольственной комиссии и обнаруживший недостачу. Кроме этого на заседание была вызвана и жена Алексеева, подтвердившая, что «...муж страдает неизлечимым заболеванием – запоем. Он употреблял спиртные напитки в течение последних шести месяцев ежедневно, а я удивлялась тому, что его еще не отстранили от должности заведующего Городской лавки»²⁵. По итогам заседания, состоявшегося 29 июля 1919 года, подсудимый признал свою вину в пьянстве, но всячески опровергал обвинения в растрате, прося снисхождения у суда и отправки на фронт, объясняя свои проступки тем, что он «...с детских лет употреблял алкоголь, из-за влияния плохой компании и наследственности»²⁶. К расследованию был вызван психиатр Лонгел, подтвердивший наличие у подсудимого неврастения и наследственной формы алкоголизма, которая значительно влияла на ослабление умственных способностей²⁷. По итогам заседания Симбирский губернский ревтрибунал вынес приговор о расстреле подсудимого ввиду того, что он «хронически неизлечимый алкоголик и тем самым бросает тень на доброе имя Советской власти»²⁸. Стоит отметить, что это был единственный случай на протяжении всего 1919 года, когда был вынесен столь жесткий приговор, который впоследствии был реально приведен в исполнение.

Резонансным событием в 1919 году стало рассмотрение дел по обвинению сотрудников Симбирской чрезвычайной комиссии в должностном правонарушении. Стоит отметить, что до этого момента расследования в отношении сотрудников чрезвычайной комиссии как органа, отвечающего за обеспечение безопасности, революционным трибуналом не проводились, что объяснялось нежеланием партии бросить какую-либо тень на моральный облик чекистов.

Согласно протоколу допроса, учрежденного Следственной комиссией Симбирской ГубЧК, Иван Белов, обвиняемый в должностном правонарушении, выразившемся в пьянстве и издевательствах над членами партии, был уволен в краткосрочный отпуск с разрешения командира эскадрона на 8 дней с 19 декабря по 27

декабря 1918 года. После окончания срока отпуска Белов в распоряжение чрезвычайной комиссии не явился вследствие запоя²⁹. Во время употребления алкогольных напитков Белов угрожал члену Совета Бочкареву, а также гражданину Микулину нанесением тяжких побоев и расстрелом³⁰. После окончания дознания дело было передано на рассмотрение в Симбирский революционный трибунал. 4 апреля 1919 года состоялось судебное заседание, по итогам которого был вынесен трибуналом следующий приговор: «...дело немедленно прекратить, ввиду маловажности проступка, Белова освободить из-под стражи и отправить на первые позиции фронта»³¹.

Кроме этого, революционный трибунал рассмотрел и дело в отношении политинструктора Симбирской Губчека В.Ф. Крестина. Согласно протоколу допроса, В.Ф. Крестин распорядился разгромить квартиру советского гражданина в деревне Новое-Еркеево Сендюковской волости, а имущество присвоил себе, не донося об этом в Уездный исполком³². Кроме этого Крестин замешан и в других преступных деяниях, среди которых покровительство гражданину Минееву, жителю деревни Синдюково, уклонявшемуся от уплаты налога с водяной мельницы³³. Политинструктор угрожал и всячески запугивал членов Волостного совета, если они попытаются взять налог у Минеева.

20 июня 1919 года состоялось заседание Симбирского ревтрибунала, по итогам которого был вынесен следующий приговор: «В.Ф. Крестин признан виновным в разграблении имущества деревни Новое-Еркеево, многократном избиении крестьян, неправильном изъятии налога и подлежит амнистии»³⁴.

Таким образом, вынесенные приговоры явно носили несправедливый окрас и были слишком гуманны несмотря на тяжесть проступков, что могло объясняться нежеланием подрывать авторитет чрезвычайного органа власти.

Однако далеко не все приговоры, вынесенные в отношении членов чрезвычайной комиссии, носили столь мягкий характер. Сотрудники Симбирской чрезвычайной комиссии Поляков, Регут, Зарин обвинялись в преступлении по должности. Согласно протоколу допроса, Зарин получил от Августа бриллиант, способ приобретения которого Августом он знал и не сообщил Председателю ЧК, вследствие чего он явился соучастником данного преступления. Бывший председатель чрезвычайной комиссии Поляков виновен в незаконных выдачах официальных документов, а также в злоупотреблении правом распределения конфискованных вещей, в халатном отношении к службе и хранении конфискованного в личной квартире. Регут был виновен в незаконном разделе конфискованных брил-

лиантов между агентами ЧК, производившими обыски у граждан Августа и Омедзе³⁵.

По итогам нескольких заседаний революционного трибунала, состоявшихся в мае 1919 года, Поляков ввиду раскаяния и признания вины был приговорен к 10 годам условно с отправкой его на фронт, дабы загладить вину перед Советской властью впредь до искупления которой считать необходимым его выбытие из рядов партии. С такой же формулировкой были приговорены Зарин и Регут, получившие наказание 2 и 5 лет условного лишения свободы соответственно³⁶.

К следующей группе должностных преступлений по количеству дел, рассмотренных Симбирским революционным трибуналом, относятся исключительно корыстные деяния. Ввиду практической их идентичности целесообразным представляется привести наиболее резонансный пример, а именно причастие к преступлению сотрудников партии.

Агенты губкома И.Т. Акимов и Ф.В. Климов 20 октября 1918 года получили поручение осуществить по плану погрузку на пароходы 67900 пудов зерновых культур. Из них – 25000 пудов ржи, 42900 – овса. Нижегородский продовольственный магазин постановил догрузить еще 20000 пудов овса, а Ковровский – 15000. Однако, по вине заведующего отрядом Климова возник недогруз, который вместо того, чтобы грузить день и ночь, как было сказано в постановлении, словесно распорядился не работать³⁷. При этом согласно протоколу допроса, Климов говорил своим рабочим, что если кто пожелает работать, то он того арестует и расстреляет³⁸. Из-за этого на следующий день работу не вышли рабочие, а погрузка затянулась еще на неделю. Всего под контролем Акимова и Климова удалось осуществить погрузку за срок, обозначенный планом, только 15000 пудов. По итогам состоявшегося 18 ноября 1919 года судебного заседания революционный трибунал принял решение применить амнистию, а заведенное дело в отношении Климова и Акимова прекратить³⁹.

Таким образом, произведенный анализ должностных правонарушений, рассмотренных Симбирским губернским ревтрибуналом за двухлетний период, характеризует дело-производство данного чрезвычайного органа правосудия как эффективный элемент системы власти. Всего за время работы с 1918 г. по 1919 г. революционный трибунал расследовал более тысячи дел, при этом доля должностных преступлений составила около 25%⁴⁰. Не позволяет назвать точную цифру тот факт, что при захвате Симбирска белогвардейцами большинство имевшихся в Симбирском губернском революционном трибунале дел было уничтожено его сотрудниками. Однако некоторые дела сохранились, что позволило воссоздать детальную

картину работы революционного трибунала на примере расследования должностных преступлений. Стоит отметить, что к ответственности революционным трибуналом привлекались все без исключения советские граждане, от торговцев лавок до председателей чрезвычайной комиссии. В Симбирской губернии, как и на территории всей страны, первое время отсутствовала четкая законодательная база, что приводило к тому, что не существовало градации тяжести преступления.

Фактор значительного увеличения к началу 1919 года доли должностных преступлений был обусловлен прежде всего низким нравственным и образовательным уровнем работников, а также возросшей среди них уверенности в безнаказанности, вызванной революционным временем. Стоит упомянуть, что нередко предпосылкой для совершения должностного преступления служило неумеренное употребление алкогольных напитков, в частности, среди сотрудников чрезвычайной комиссии, а также работников продовольственной сферы. Кроме этого, на совершение должностного преступления сотрудника толкала корысть, вызванная желанием во чтобы то ни стало улучшить свое не легкое материальное положение.

В Симбирской губернии борьба с должностными правонарушениями носила систематический характер и осуществлялась с различной степенью эффективности, при этом революционный трибунал старался пресечь на корню любые проявления данного деструктивного зла и не допустить его повсеместного распространения среди должностных лиц. Однако тяжесть приговора зависела прежде всего от партийной принадлежности виновного лица – к партийному гражданину применялось более мягкое наказание. Эффективность противодействия Симбирского революционного трибунала должностным правонарушениям была подорвана вынесением несправедливых и зачастую мягких приговоров, главным образом по отношению к сотрудникам чрезвычайных органов, таким как революционный трибунал и чрезвычайная комиссия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Декрет СНК о суде №1 от 24 ноября 1917 г. // Собрание Постановлений Правительства. 1917-1918. №4. С.136-140.

² Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф.-Р.336. Оп.1. Д.4. Л.11.

³ ГАУО. Ф.-Р.336. Оп.1. Д.4. Л.12.

⁴ Инструкция НКЮ РСФСР «Об организации коллегий правозаступников при революционных трибуналах» от 19 декабря 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. №12. С.66-68.

⁵ ГАУО. Ф.-Р.336. Оп.1. Д.4. Л.12.

⁶ Там же.

- ⁷ Мухамедов Р.А., Емелин П.Е. Фронтовые, полковые (отрядные) и ротные товарищеские суды // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара, 2013. Т.15. № 5. С.64-67.
- ⁸ ГАУО. Ф. Р-1048. Оп.1. Д.1. Л.6.
- ⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф.336. Оп.1. Д.75. Л.2-5.
- ¹⁰ Блохинцев А.Н. Именем ревтрибунала... // Комиссары огненных лет: борцы за власть Советов на родине В.И. Ленина. Ульяновск, 1977. С.108.
- ¹¹ Там же. С.110.
- ¹² ГАУО. Ф. Р-125. Оп.2. Д.50. Л.1.
- ¹³ Там же. Л.3.
- ¹⁴ Там же. Л.4.
- ¹⁵ Мухамедов Р.А. Кооперативная экономическая система в Средневожской деревне // Марийский археографический вестник. 2015. №25. С.81-87.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ ГАУО. Ф. Р-125. Оп.2. Д.47. Л.37.
- ¹⁸ Блохинцев А.Н. Именем ревтрибунала... // Комиссары огненных лет: борцы за власть Советов на родине В.И. Ленина. Ульяновск, 1977. С.112.
- ¹⁹ ГАУО. Ф. - Р.200. Оп.2. Д.23. Л.5.
- ²⁰ Pipes R. Legalised Lawlessness: Soviet Revolutionary Justice. L.: Institute for European Defence and Strategic Studies, 1986. P.10.
- ²¹ ГАУО. Ф. Р-180. Оп.3. Д.19. Л.113.
- ²² Там же. Л.114.
- ²³ ГАУО. Ф. Р-125. Оп.2. Д.24. Л.14.
- ²⁴ Там же. Л.17.
- ²⁵ ГАУО. Ф. Р-125. Оп.2. Д.24. Л.19.
- ²⁶ Там же. Л.21.
- ²⁷ Там же. Л.23.
- ²⁸ Мухамедов Р.А., Вильчик А.А. Административно-территориальная реформа на примере Симбирской (Ульяновской) губернии. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т.17. №3. С.104-107.
- ²⁹ ГАУО. Ф. Р-1048. Оп.2. Д.22. Л.1.
- ³⁰ Там же. Л.10.
- ³¹ Там же. Л.17.
- ³² ГАУО. Ф. Р-1048. Оп.2. Д.6. Л.6.
- ³³ Там же. Л.20.
- ³⁴ ГАУО. Ф. Р-1048. Оп.2. Д.6. Л.22.
- ³⁵ Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАНИУО). Ф.1. Оп.1. Д.157. Л.13.
- ³⁶ ГАНИУО. Ф.1. Оп.1. Д.157. Л.14.
- ³⁷ ГАУО. Ф. Р-1048. Оп.2. Д.22. Л.5.
- ³⁸ Там же. Л.6.
- ³⁹ Там же. Л.37.
- ⁴⁰ ГАУО. Ф. Р-180. Оп.3. Д.19. Л.114.

JUDICIAL PRACTICE OF THE SIMBIRSK PROVINCE REVOLUTIONARY TRIBUNAL FOR CASES ON OFFICIAL CRIMES IN 1918-1919

© 2018 M.V. Chigrin, R.R. Mukhamedov

Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov

The article is devoted to the judicial practice of Simbirsk provincial revolutionary tribunal in investigating official malfeasances in 1918-1919. Throughout all the history of our country the abuse of official authority remains one of the most acute social problems, for the solution of which the government constantly needs to use internal reserves. In this regard, the judicial practice of the revolutionary tribunal in investigation office malfeasance is an important part of the history of the country's development and requires the objective coverage of past events.

Keywords: judicial system, Simbirsk revolutionary tribunal, official crimes, Simbirsk Provincial Extraordinary Commission, provincial committee.